

ные средства. Как справедливо отмечает А. В. Бондарко, истолкование С как субъекта пропозиции имеет не только логическую, но и лингвистическую значимость (с. 44). Необходимость учета грамматического статуса субъекта пропозиции признается также В. М. Павловым, что явствует из приводимого им определения подлежащего как источника, от которого отправляется грамматическая мысль (с. 77).

Рассмотрим кратко содержание отдельных глав и их разделов.

Глава I открывается разделом «Субъектность и объектность: проблемы семантики» (В. Б. Касевич). Развивая положение Гивона о двух отдельных и самостоятельных наборах функциональных категорий (семантические падежные роли в рамках пропозиции и грамматизированные прагматические падежные роли), В. Б. Касевич предлагает разграничивать отношения четырех родов: коммуникативно-прагматические (куда включается тема, или топик), лексико-семантические (сюда относятся аргументы предиката), грамматико(синтактико)-семантические (в том числе категории субъекта и объекта), грамматические (синтаксические) отношения (с. 12—13). Субъект определяется как план содержания первого актанта в прототипических конструкциях<sup>1</sup> с участием любого глагола, категория объекта — как результат обобщения на уровне синтаксической семантики определенных аргументов за счет единообразного их оформления в качестве вторых актантов этих конструкций. В результате рассмотрения материала различных языков автор приходит к выводу, что языки различаются с точки зрения того, на что ориентирован их формально-синтаксический аппарат в системе имени: на формализацию категорий лексической семантики (агенса/ пациенс), синтаксической семантики (субъект/объект) или же коммуникативной (тема основная/вторичная). Тем самым на конкретном материале подтверждается грамматичность коммуникативно-прагматического аспекта по меньшей мере для языков третьего из выделенных типов. Если же учесть отмеченный автором факт «формального» совпадения субъекта и топика в прототипических конструкциях многих языков (с. 16—17), то, по-видимому, в этой грамматичности нельзя отказать и другим языкам.

Характеристика ФСП субъектности и объектности дается в разделе «Субъектно-предикатно-объектные ситуации» (А. В. Бондарко). СПО-ситуация определяется как структура языкового содержания высказывания, включающая то или иное отношение обозначаемой общей ситуации к семантическим категориям «субъект» (С), «предикат» (П) и «объект» (О) в их взаимных связях и в их отношении к структуре предложения (с. 30). Автор справедливо отмечает, что трудности анализа субъектно-предикатно-объектных отношений объясняются их многоаспектностью. На преодоление этих трудностей направлено не только вовлечение в рамки

анализа широкого круга явлений, но и введение ряда новых понятий и терминов, что, бесспорно, способствует выработке метаязыка анализа, необходимого вследствие размытости и неоднозначности в литературе таких терминов, как «подлежащее», «субъект», «пассивность» и др. Субъект определяется на денотативно-понятийной основе как «тот элемент типовой СПО-ситуации, который выступает как субстанция, являющаяся источником приписываемого ей не пассивного предикативного признака» (с. 33). («Непассивность» может проявляться в большей или меньшей степени в зависимости от категориальной семантики глагола.)

Убедительно показана необходимость введения двух понятий: «источник не пассивного предикативного признака» и «носитель предикативного признака» (НПП). Как в отношении субъекта, так и в отношении НПП позиция подлежащего является наиболее благоприятной, но не единственно возможной для выражения соответствующего значения. Такое решение вопроса дает возможность отойти от расширительной трактовки подлежащего, наметившейся в последнее время в связи с исторической изменчивостью его содержания. Определяя объект как элемент типовой СПО-ситуации, выступающий как зависимая от предиката неактивная субстанция, на которую напавлен или которой так или иначе касается предикативный признак (с. 41), автор отмечает, что в предложениях типа *Этот вопрос никем еще не решен* функция О действия, выполняемая компонентом *этот вопрос*, не просто сосуществует с функциями С состояния, С пропозиции и С как темы при актуальном членении высказывания, но и определенным образом взаимодействует со всеми этими аспектами субъектных функций. Приведенное положение может иметь большое значение для дальнейшего изучения названных функций в их взаимодействии, так как, несмотря на их принципиальную разноаспектность, в языке сложились типичные структуры как случаи их совмещения. Как справедливо отмечает А. В. Бондарко, существует широкий круг предложений (типа *Туристы разжигали костер*), в которых подлежащее *туристы*, с любой точки зрения, определяется как С, а дополнение *костер* с любой точки зрения, допускающей понятие О, будет определено как О (с. 45). Многочисленные отклонения от типичной структуры наблюдаются в первую очередь в неопределенно-личных, обобщенно-личных и безличных предложениях. Все эти структуры рассматриваются в монографии на фоне широкой концепции субъектно-предикатно-объектных отношений.

Характеристике безличных структур с общетеоретических позиций (с точки зрения раскрытия диалектики отношений между языком, мышлением и действительностью) посвящен раздел «Субъект в безличных предложениях» (В. М. Павлов), написанный в полемическом ключе. По мнению автора, общая особенность

<sup>1</sup> Под прототипическими конструкциями автор понимает «элементарные неэллиптические предикативные конструкции, качественный и количественный состав компонентов которых необходим и достаточен для внеконтекстной реализации и которые не могут быть возведены к каким бы то ни было другим конструкциям как их трансформы» (с. 15—16).